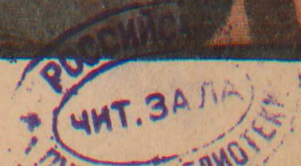

БЕЗБОЖНИК

Социалистическое строительство и религия

Кто сильнее?

МАЙ
1927

РЕДАКЦИЯ и ГЛАВНАЯ КОНТОРА
Москва, Неглинный проезд, дом 21.
Тел. 4-56-62.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА
На год 3 р. 80 к., на полгода 1 р. 80 к.,
на четверть года 90 к. Отдельн. № 15 к.

№ 9

СОДЕРЖАНИЕ: „Вера в бога—преграда на пути к новой жизни“—очерк Вл. Сарабьянова; „Пепел“—рассказ Ильи Лукашина; „В таежной глуши“—очерк тунгуса Беломестнова; „К истории религии“. (Социально-экономические моменты)—очерк Г. Даяна; „Два безбожника“ (Маркс и Гейне)—очерк Андрея Ростовцева; „Религия и политика“—очерк Ф. Ковалева. Загадки, задачи, ребусы. Обложка работы Гавриила Голубева.

ВЕРА В БОГА—ПРЕГРАДА НА ПУТИ К НОВОЙ ЖИЗНИ.

Вл. САРАБЬЯНОВ.

Немногие в наше время отдадут себе полный отчет в том, как велика тормозящая роль религии в деле социалистического строительства.

Многие, будучи искренними сторонниками социалистического переустройства всей нашей жизни на основах современной передовой техники и рациональных способов работы, считают в то же время религию не тормозом, а просто какой-то, чуть-ли не случайной блажью людей, без которой, конечно, было бы лучше, но которая не мешает нам, однако, создавать Волховские и Земо-Авчальские станции, проектировать Днепрострой и Волго-Донские каналы, строить первоклассные стекольные, кирпичные, металлургические заводы.

Подобное благодушное отношение к религии, в конце концов, только идет на помощь тем, кто пользуется религией в борьбе против нас, и влечет за собой крайне тяжелые для нас последствия. Мы создаем новую жизнь, мы строим социализм: наша страна уже вошла в русло переплавки старых, буржуазных отношений к вещам и людям в новые.

Строить социализм на основе той техники, тех знаний, которые были в ходу в старых буржуазных обществах—нельзя.

Нельзя его строить и на фундаменте старых, капиталистических отношений людей друг к другу. Вот почему всегда подчеркивал Ленин крайнюю важность для нас двух моментов: крупного рационально-организационного производства и электро-энергетики, с одной стороны, и трудовой товарищеской спайки и дисциплины в рядах пролетарской семьи, с другой.

Но нужно ли доказывать, что религия несколько не содействует росту крупного, рационального, электрифицированного производства, что она, напротив, препятствует этому росту своим отрицательным отношением к науке, своей разлагающей пропагандой, внушающей людям неверие в собственные силы, в творческую мощь человеческого коллектива. Даже самые умные из попов, проповедуя, что вера и знание—две родные сестры, гармонично дополняющие одна другую, не могут воздержаться от снисходительных кивков по адресу науки, от указаний на ее бессилие и необходимость для нее быть в подчинении у религии. Так думают наиболее «передовые» из них. О тех же, которые напрямик отвергают науку и повторяют старые зазубренные ими изречения «отцов церкви» о том, что «все — от бога» и что «источник знания — божье откровение», и говорить не стоит.

Современный «образованный» поп никогда не упустит случая указать на то, что органы чувств нас обманывают, что знания приобретаются через посредство этих органов, а значит — они не достоверны. Но если религия объявляет научные знания недостоверными, она не может не вносить в головы людей сомнения, не может не ослаблять волевой нажим строителей новой жизни при первом малейшем затруднении.

Мы все еще сидим в нищете, в деревнях дети еще ходят босыми и чуть ли не до поздней осени, лапоты еще не сдан в музей, соха еще не уступила своего места плугу, рабочая семья еще экономит на бане и молоке для ребят.

Нужно огромное напряжение сил, творчества, изобретательности, нужна огромная уверенность в себе, нужна могучая воля, которая таится в рабочем классе и крестьянстве, — чтобы без колебаний идти к своей цели. А религия делает немощным человеческое тело, размягчает людские мозги, внушает сознание бессилия. Мы бедны техникой, и нам необходимо использовать целиком без остатка каждый хороший станок, каждый трактор, каждый пуд химических удобрений. А религия бьет по науке, она мешает осознать колоссальное значение техники, и верующий хозяин, имеющий на дворе свою машину, при первом же затруднении готов плюнуть на нее, перекрестить лоб и гнуть по старинке свою спину.

— Так, дескать, проще. Нам так привычнее. Коли поможет господь, не нужна и машина.

А в результате наше хозяйство не дает того, что могло бы дать при ином к нему отношении. Голова верующего человека, как бы ни была она хороша, сама по себе чаще всего порченная, подобно чернозему, богатому сорняками. Порченный чернозем не даст хорошего урожая, а голова, испорченная верой, плохо руководит человеком.

Иначе, не стали бы верующие люди отрывать от хозяйства, и без того очень бедного, сотни миллионов рублей на попов, знахарей, руководителей сект, на пашку и прочие религиозные надобности. Религия заставляет верующих сотни миллионов трудовых денег бросать на ветер. Она задерживает рост современной техники, бьет по электрификации, тракторизации и по агроному, а без всего этого никакого социализма не построишь. Приглядитесь к поведению попов и вы убедитесь, что это действительно так.

Разве не агитируют попы против постройки электростанций, когда все общество желает этого. Разве не осмеивают они все технически новое? Но мало того: они борются против проникновения в наш быт новых, социалистических отношений людей друг к другу.

Строить социализм, это значит — строить коллективы трудящихся, создавать между ними постоянную спайку.

Не друг, не приятель, а «товарищ» — вот слово, точно выражающее социалистическое отношение человека к человеку. А как ненавидят это слово попы? Известно, что кооперация — это форма новых социалистических отношений. Рост кооперации означает наш хозяйственный рост: она спасает крестьянина от перекупателю и сохраняет эти средства для его хозяйства, она соединяет слабых одиночек-людей в мощные организации, подводит под хозяйство более высокую технику, делает труд более легким. Рост кооперации означает рост социализма, ибо кулак в этом случае вынужден отступать, — беднота подтягивается к среднему уровню, а классы, шаг за шагом, идут к отмиранию.

Но как ненавидят кулаки кооперацию, так как она несет им неминуемую гибель. Но попы заодно с кулаками, а потому они тоже против кооперации. Ре-

лигия проповедует равенство всех людей во христе. Но равенство во христе кулака с бедняком означает, что кулак верхом на бедняке, а христос — тут роль кнута лишь играет.

Мы против такого равенства.

Религия говорит, что «все люди — братья». Но социализм для своей победы требует непреклонности, решимости и беспощадного отношения к мировым разбойникам: к Чан-Кай-Ши, Чемберлену и др., требует беспощадной борьбы, а не братских объятий.

Смиряться — учит религия.

Борись — учит социализм.

«Терпи и жди», — говорит религия. «Возьми», — говорит социализм. Борьба за социализм приводит и к борьбе против религии, поповщины, сектанства и знахарства.

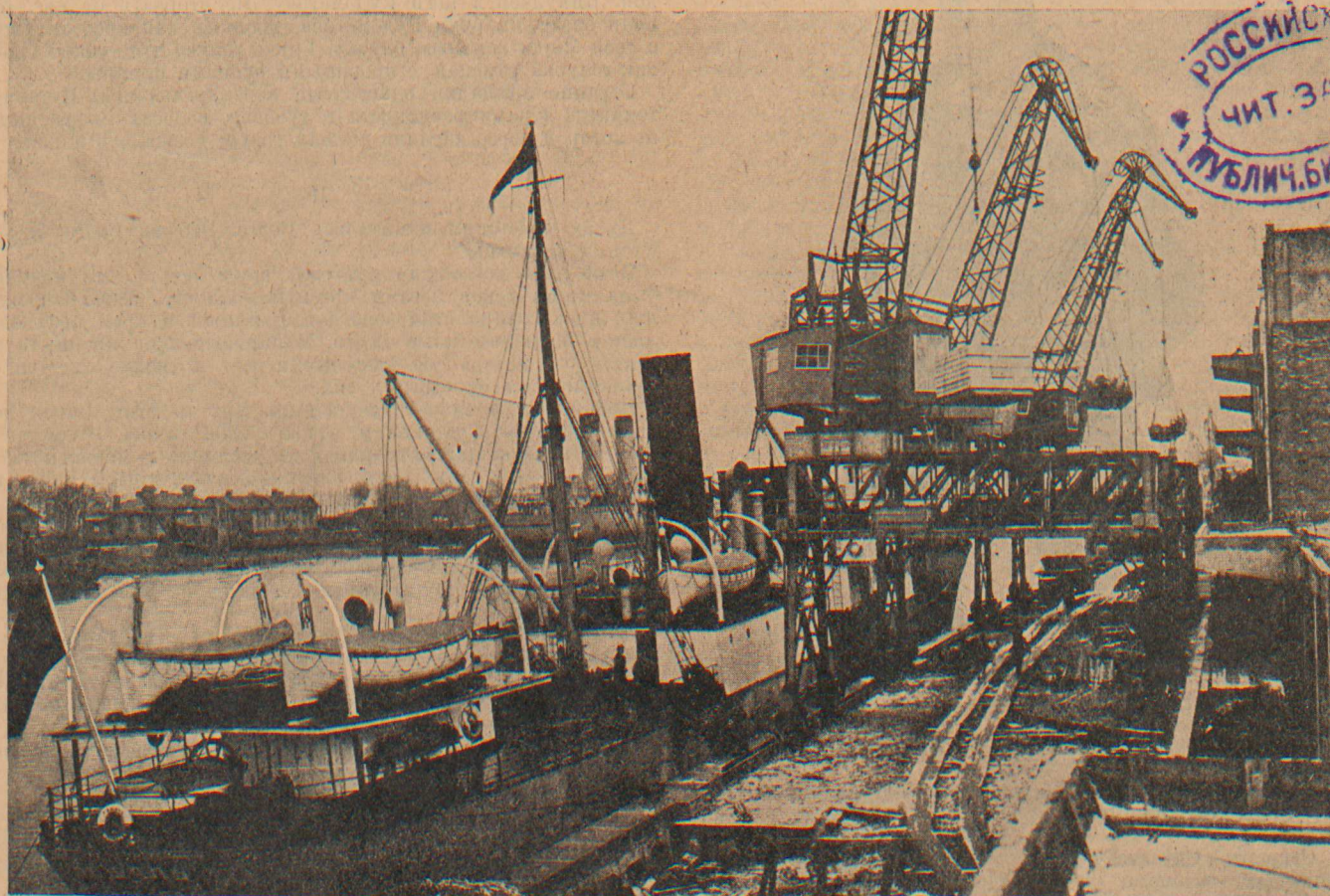
Нам не на кого рассчитывать, кроме как на самих себя.

А потому голова наша должна быть ясной, а воля — стальной.

А религия засоряет людям мозги и лишает их воли.

Мы за дело социалистического строительства взялись всерьез, а потому будем же бороться с религией всерьез, — будем бороться решительно.

Социалистическое строительство Советской Республики.

Новые порталные установки перед зданием холодильника в Ленинградском порту.

Рассказ ИЛЫИ ЛУКАШИНА.

Рисунки ГАВР. ГОЛУБЕВА.

I

Рудометов Яшка—человек неистощенный, аппетитный к жизни. Каждая жилка—кипением полна. Шел он по селу Безводному за своими мыслями. Тащили они его куда то, точно лошадь на овес. А тут за одно на пару—вечер с ситцевым небом, с травой душистой, с запахом вишневым...

Замечтался и натолкнулся на Вениамина Багрянского, перекорщика во всех делах Рудометова. А тот:

— Ну, ты!.. Тише на повороте. Коммунист хренов!

И пошла... Рудометов—хватать за доску, забор тут был. Так и треснуло, словно располовинило вишневый вечер.

И уже не было Вениамина, ровно провалился куда.

А за забором шаги чьи то, осторожные и шепот, будто женский. Остановился. Прислушался. Глазами за забор кинул. Видит—фигуры белые, как привидения, на дворе застыли. И шепот замер, должно быть, заметили Рудометова. Только

Рудометов Яшка — человек неистощенный.

глаза у фигур поблескивали. Одна из фигур за кусты акаций скользнула в вечернем полумраке.

— Должно быть, это и есть скит женский, о котором говорили,—подумал Рудометов.

Вырвалось:

— Откройте! Эй! кто там!..

Застучали, затонали, закрипели... Потом крик больной вырвался. Потом—смертельная тишина наступила.

В ту ночь, до утра, Рудометов пробыл в кельях сестриц, от жизни оторванных. Принес с собой весть страшную, а над столом—цепь повесил... железную ржавую...

Через ту цепь сестра Евфросиния, прикованная по приказу игумены Агнии к стене в коровьем хлеву, от грехов очищалась. К владыке небесному, жениху неземному, невестой чистой предстать готовилась, в монастыре том—Спасова согласия.

Вместе с игуменьей Агнией двенадцать их было сестриц, по числу чинов ангельских.

Игуменьша Агния дико глазами Рудометова обжигала. ...«Антихрист!»... За сорок лет впервые монастырский дом «нечисть» такую принял.

Слова бессвязные роняла:

— ... Дух бесовский... Накатил на нее дух противный. Дурманом больна сестра Евфросиния. Даже скит наш поджечь хотела...

И показывала на нее пальцами, ровно пророчица древняя, откидывая голову и левую руку—прижимая к сердцу испуганному.

— Не сама-ль ты, мать, больна?—с гневом сказал Рудометов.

Попатнулась Евфросиния с тучевыми волосами. Разметались по плечам и грудям тучевые волосы с легкой серебристой. Кинулась в ноги Рудометову. Не оторвать от ног. Капали слезы на руки Рудометова, крепкие, как креозот. Снял с себя Яшка верхнюю блузку. Грудь голую, что трепыхалась, как голубка раненая, с кровавыми рубцами прикрыл.

Странно лампадки одноглазые перемаргивались. Путались тонкими лучами разноцвета в тучевых волосах Евфросинии, от которой через насилие убежал разум, убежала и жизнь.

II

Духом советским напиталась Волга. Это не Волга, а вся Русь напиталась.

И от духа советского взыграла грудь земли, что поправа была много веков ногами пресмыкающихся... Тяжелый медный цвет солнца стал золотисто-румяным и края неба оделись в шелковые алые ткани. Малиновые лучи проникли на землю, где теперь все живущее играет и звонко смеется, и захлебывается от этого духа...

Проник он и сюда в монастырь дух то этот. Сорок лет стоял монастырь одиноким, хранил свои тайны. И вместе с сестрами сорок лет находили себе убежище в монастырском дворе ползучие гады: змеи, лягушки-скокуки, крысы и другие твари, что не любят света... А построил его из того же села—Петухов Аким, до бога старательный человек. Богатый был. Прижил он дочку на стороне от жены. Пятном дочка стала, болячкой на миру... Пристроил ее в монастырь, а потом и келью отдельную молитвенную ей воздвиг. Это его и есть дочка—Агния.

Старый уже теперь Аким Григорьевич Петухов—лет, почитай, под восемьдесят, но еще крепок, как строевая сосна. Таких еще много на Волге. Высокий и прямой, и характером своенравен. Смыслов постоянно в страхе держал, а когда перестали слушаться, выгнал из дома, сказав:

— Нет вам моего благословения. Гуляйте долой... на все на четыре стороны.

Было это на втором году революции.

И сейчас хозяин—он только один.

Со старухой не в ладу жил: заносилась она, а у Акима плоть еще сильная, выхода требует... О непотребствах заставляет думать.

И знает Аким, что блуд—деяние греховное, да не осилить ему плоть свою буйную. Вот и замаливает он грехи. Подвигами против большевиков спасения души добывается. Много за ним подвигов, Учатся ли они только владыкой небес-

ним?.. Учтутся, говорил ему отец Антоний. И верит, и не верит он в последнее время.

— Учтутся, Аким, ибо и грех есть во спасение,—не редко слышит он из уст Антония.

Старик Петухов насквозь отца Антония знал: тридцатый год он священствует в Безводном. И вот—раньше было больше твердости в делах его церковных, а сейчас чувствует Аким натугу какую-то, только не понять ему сразу, и оттого приходят такие минуты, что готов он на всякие мучения добровольные... А тут еще Агния всю душу ему изъела, не дает покоя родная кровь: Рудометов грозит судом народным за насилие над сестрой Евфросинией. И не знает Аким, что делать.

Приходил Рудометов—сперва с начальником милиции... Акты писал... Потом и один стал захаживать. Все высмотрел. Когда шаркал по келиям, прятались в разбежку сестры в белых балахончиках. Коридоры оглядел, в трапезной побывал. И в хлеву не раз был, где оставалась железная койка сестры Евфросинии. А над койкой ржавая дыра зияла от трехгранного костыля, что цепь держал. В моленную общую сходил и удивился невыразимой чистоте. Смиранные в кротости и строгие в подвигах, смотрели на него лица угодников, а посредине крест стоял с распятием Христа. Из рук и ног кровь сочилась, также, как и у сестры Евфросинии. Окна были забиты ставнями и свет мирской не проникал сюда четыре десятка лет.

В задней стене угловую келию заметил, как рай Магометов. А в келии той сестра Евфросиния родная жила—Матрона.

Метались сестры в страхе по келиям. Испуганными глазами смотрели на Рудометова: никогда ведь никакая власть не нарушала их монастырской покои и тишину. Металась и сама Агния, точно наседка, когда грозит гибель ее цыплятам.

— Дерзкий,—пошто нарушаешь древние заветы отцов наших?

Странно было слушать Рудометову такие слова. Странно и любопытно. Нарушаешь?.. А это кто нарушал?—спросил Агния Яков.—Кто отнял у нее жизнь?

Агния сверкала красивыми глазами и крестилась:

— Дух бесовский у нее... Спалить монастырь хотела... А мы по согласию испытание ей дали, господи, помилуй нас...

— Опять за старое: дух да дух... Придется тебе, мать, от-вет держать.

Подбежала Евфросиния и уже переодетая по монастырскому уставу, с иголки, в сером платье и белом платочке, но помешанная и от насилия, и от той свободы, которую доставил ей Рудометов. Кинулась ему в ноги и бормотала не-связанные слова:

— Благослови, отец-патриарх...

Целовала ноги. Вставала и кричала израненной птицей:

— Сестры мои, придите и поклонитесь ему: сам патриарх греческий посетил нас.

Сестры подходили и подхватывали корчившуюся у ног Рудометова безумную сестру Евфросинию.

Дрожала Агния. Старалась задобрить ласковыми словами Рудометова. Манила к себе в покои.

Открыла дверь и Яков увидел красоту покоев Агнии. Ступил на ковер и почувствовал, будто провалился куда. И запестрело в глазах до боли. Подумал:

— Как же это могло сочтаться? Отречение от мира и уход в тот же мир, только отгороженный монастырским забором...

Благоухание цветов, каких он никогда не видел, щекотали его нервы. В левом углу легкостью своей дышала постель и тонкие кружевные накладки напминали покровы ангелов. От изголовья к ногам тянулись, играя, бриллиантовые лучи лампадного света. Агния концы пухового одеяла поправила. Хотела прикрыть дверь, но Рудометов, сказал сурово:

— Ладно, мать, не старайся...

И быстрыми неровными шагами уходил к себе домой.

С каждым приходом в монастырь, Нинка завяжетотдел все больше отходила от него в представлении. И было с чего: за один глаз Матроны не знала бы что отдал. И еще была цепь... Рудометов говорил—идейная.

Побледила фигура Нинки. Расплывалась в пятнах:

— Ни мужчина, ни женщина... Стриженная под скобку, как болван. На голове кепка, в зубах папироска и нос дерет кверху. Голос, что трещотка,—думал Яков.—Ничего женственного.

Когда приходил в Матроне, укорял ее так тихо, мягко:

— Не стыдно жить тебе здесь, сознательно убивать радость, дней не знать советских. Рядом Волга бьется—в радости вся. И земля тож. Глаза закрываешь на все в могиле молитвенной... Бредом церковным, книжным, старопечатным упииваешься.

Лихорадка трясла Матрону от слов богохульных Рудометова. Краешками глаз своих из под платка видела силу его—в руках стальных, в ногах и играх, цвета песочного. Кровь прилиwała к голове и келия плавала в глазах, в божьем про-

странстве. В мыслях—туман был за келией, как за Ноевым ковчегом.

— Смотри-ка,—говорил он, показывая рукой в окно на голубевшую Волгу.—Вон, на пристани огни, огоньки полыхают, не такие смрадные, как у лампадок. По этой реке Стенька Разин с братвой гулял. Плескал свои удалы и волю. С персидской княжной миловался. Никакого запрету ему не было. А ты сидишь здесь, ровно замурованная.

От таких слов Рудометова, за шелковые четки судорожно хваталась Матрона, ею самой связанные.

Сестра Евфросиния прикованная к стене в коровьем хлеву, от грехов очищалась.

Молчала. Не умела отвечать. Отвыкла говорить, как люди. Семнадцать лет в этих стенах. Девятилетней девочкой мать взяла ее к себе, сюда, чтобы посвятить ее господу. И не могла понять случившегося: все сестры с Агнией, а иногда с Антонием, и с Петуховым Акимом молились сообща об уничтожении большевиков, а тут сидит с ней рядом самый главный на селе большевик. Сидит и так ласково рассказывает ей о какой то персидской княжне, о советских днях и еще многом, о чем она впервые слышит... И почему то господь-бог не покарает за святотатство большевика Рудометова,—тоже удивительно и непонятно.

Уходил он, а ее жар покрывал всю, хлеще чем адский, что в книге старопечатной изображен был.

Нинка завяжетотдел, ревностью болея, тенью ходила за Рудометовым. Догадывалась. Работа и на ум не шла. Нечаянно с десятилетним Матюшкой Черновым словами перебросилась. А Матюшка все тропки знал. Привел ее к самому окну кисейному.

Раздвинула кусты акаций. Закрылась ветками. И над ней свесились грозды бузины, точно кровавые капли. Не из сердца ли они источались?..

Приставила уши, глаза и грохнулась о земь, когда все увидела.

Не зная ничего Рудометов сидел перед нею и только стена разделяла их, сидел с Матроной, на мягких подушечках, ковриками накрытыми. О другом рае рассказывал ей, о земном, что вот тут, за забором, только порог переступить из могилы молитвенной...

И опять говорил ей с укором, но только еще мягче, еще нежнее. И не раз Рудометов хватался за руку Матроны, но тут же выпускал, словно обжигаясь.

Таял рубинный свет лампадок...

Трепыхалось от ласковых слов тело Матроны. Большие глаза, чистые такие, словно озерца, росой покрывались слезной.

Острыми клинушками засели в душе Матроны неслыханные слова Рудометова. Дерзкие такие, от которых Матрона чувствовала, что вот сейчас провалится пол и она вместе с ним, с этим красивым дьяволом, очутится в бездне...

Но стояла тишина. И чудилось ей, что келии нет и будто она вместе с Рудометовым плывет по Волге в неизвестные дали.

... И трепетно билась она, отстраняясь от Якова. Старое, с чем жила в течение нескольких лет, цепко держало ее в мыслях, новое, что принес сюда он, также настойчиво теперь влекло к себе...

— Боюсь,—шептала она, прижимаясь к нему пылающей грудью.—Агнии боюсь, тяжкого греха боюсь... Проклянет Агния.

Ломала руки и глазами—туда, где во весь рост стояли угодники с постылыми и строгими лицами.

Слабое сердце у Матроны. И слова ее трепетали, как слабые осенние листики на тощих ветках.

— Боюсь...

А сама к нему все тинулась и первое слово ее было от Рудометова духа:

— Люблю...

От таких слов Рудометова за шелковые четки хваталась Матрона...

III

Ярко горят вечерние звезды. И от вечернего света, ярко горят головки сочных вишен. Время от времени они кажутся раскаленными угольками. Всюду—жизнь...

Впервые детскими глазами увидела Матрона голубую ширь Волги. Видела она, как у пристани, на лодках и на берегу ребятишки цветами бросались и звуки песен доносились до ее слуха. Потом залил своим светом огромный пароход и радостно прокричав, остановился на несколько минут у села.

Рядом с ней на крутом утесе сидел Рудометов.

Тих вечерний воздух на селе. Часть Безводного многодумно засыпает, часть же—не уложишь и до первых полосок утренней зари.

Катятся волны игриво, ныряют мальчишки в воде, горят огни в исполкоме и на пристани—перемаргиваются. На колокольне сторож раздумно выбивает часы. Матроне и радостно, и страшно.

Сегодня вот уже третий день, как не выходит на работу Нинка. Лежит в постели и тает от ревности. Пожелтела и курить перестала. Вздохи из груди,—ровно вся газом напалась.

Переплетались мысли разные—чистые с грязными, светлые с черными.

Окно было открыто. Хорошо дышать вишневым воздухом и смотреть на звезды.

Она лежала против окна и глаза ее уставились в одну точку. Мысленно осматрела себя и сравнила с Матроной. Задрожала вся в ревности и в чем то еще, только и самой не понять... Зла не было на нее. Это зло, которое могло бы быть, подавлялось какими то достоинствами и самого Рудометова, и Матроны. Разве она, Нинка такая?

И потом сразу все это сменялось другим:

— А если бы он побыл со мной, не ушел бы от меня, ни на какую красавицу не сменил бы. Знаю... Зацеловала бы я его. Опоздала... Не так нужно. Дура я. Большая дурочка.

Снова вздрогнула. Почудилось шаги чьи-то. Уловила болезненным напряженным слухом несколько слов. Две тени мелькнули мимо окна.

— Они... И не зайдет. А еще—партийный.

Заскрипели половицы за спиной. Открылась дверь. Не то сон, не то явь: Яшка у постели. И сразу положил на голову руки. Потом сказал:

— Хины тебе надо или аспирина. А я думал ты—лодырничаешь...

Заплакала и от обиды, и от радости.

— Как же так? Зачем он пришел? — думала.

О любви не сказал ни слова. Такой же, как и в ячейке. Выходит: напрасно подкинула тогда ему на стол письмо. Даже и не заикнулся, и не ответил.

— Хоть бы написал, что я гадкая, некрасивая,—мелькнуло.

Подчеркнула и в глаза посмотрела.

— Работа самая, а ты, как на грех, в постели, — сказал Рудометов, садясь на ломанный стул. — Монастырь на плечи нужно взять. Агнию до суда посадили за насилие. Сумасшедшую Евфросинию в больницу отправили. Из монастыря коллектив надо сделать. Хозяйство там у них маленькое есть. А с горбатой не знаю, что делать. Это по твоей линии.

— С какой горбатой?

— Монашка там была. Беременна на последнем месяце. Матрона рассказывала — от старика этого Петухова Акима. Ходил туда по субботам.

— Чего же ты хочешь?

— Что: надо сохранить человека. Говорила Матрона — утопиться хочет с кручи... А нам надо показать, что на жизнь и муха имеет право, если она не вредит обществу. Вообще из этого монастырского непаля возродить другую жизнь. Понимаешь?

— Ах, во-от что!

— Яша, знаешь, что я хочу сказать тебе.

— Будто знаю. Говори.

— Сядь около меня. Вот так. Дай руку...

— О любви хочешь говорить?

— Да. Но только...

— Ну, ладно: ты не волнуйся. Говори.

Сердцем был с Матроной, а сейчас только жалость к больному человеку.

— Ты не обижайся. Знаешь?

Задохнулась. Перехватило в горле.

— Мы, женщины, как и вы, — все одинаковые.

— Ну?

— Я видела тебя с ней.

— Ты вот о чем?!

— Да. Но ты выиграешь только тем, что эта женщина ничем не тронута. В этом твое счастье. А мы — никуда не годимся.

Рудометов встал и крепко поцеловал Нинку.

— Зачем? Ты же меня не любишь? — застонала она.

— Да. Ты хорошо сказала. У тебя, действительно, ничего не вышло. Но выйдешь, если возьмешься, как следует, за работу.

— Только?

— Больше ничего не могу.

Он повернулся и вышел.

IV.

Аким Петухов плакал и молился у кровати, а старуха его Аграфена сидела на лавке комком неподвижным. Не выдержала:

— У-у, страшник! Еще не бросил шататься по чужим телкам. Хоть бы не срамился на старости лет.

— Жизни мне нет. Ведь ты, вот как ветка, сухая стала.

— Што-ж — для тебя еще молодеть?! Вези в город, коли такое дело... Там, рассказывают, молодых возрождают.

Нахмурился старик, как туча осенняя. Давно не пил старый, а тут — бес в ребро шепчет:

— Выпей, легче будет.

Сходил к Веннмину Багрянскому — приятелю закадычному.

— Облегчи, ради Христа.

У Акима — поросль зеленая в бороде и в волосах. Думы нечестивые зашевелились в голове, точно тараканы неотвязные.

— О, господи! Время-то какое неспокойное.

С завистливыми глазами на жизнь, шатался по улицам.

Дед Аким, как будто грузен старостью, но это только кажется: душа у него — гибкая, молодая, завидующая...

по селу ребята рассыпались цветным горохом. Подвернулся Матюшка Чернов и сзади — хват за портки Акима.

— Дед, пойдем в комсомолы!

Нескладным мешком тело придавило дух и оттого тяжело было, даже оглянуться не мог скоро на Матюшку атамана. Задумался:

— Свалить бы с себя лет двадцать и то бы другое дело...

Пощипывал себя за бороду. И принимал, и не принимал то, что каким то образом всасывается в эту глухую тишь и начинает будоражить ровные, уживчивые с этой глушью, человеческие души.

Половодье...

Из города, хотя и на манер последней, а ползут удивительные новости. Да и здесь: исполком проволокой обмотался до клуба, а в клубе — столпотворение вавилонское. Труба оглашенная орет из самого сердца московского. Что огнем палит, словами тайными загадочными. Захлебывается черная пасть, передавая декреты и речи, противные духу стариков. Отсбавить из этих слов, конечно, и старикам есть что, да только можно ходить туда таким, как Петухов, — старый дуб села Безводного...

Пришел домой встрепанный мыслями. Гнулись половицы от его тяжелой поступи. Из кармана непотребство вынул в бутылке. Засуетилась Аграфена: угождать надо старику-хозяину, а то — в грозу обернется, бурей завоет в доме. И потечет тогда немилость его на голову Аграфены.

Сплюнул Аким. Повернулся к окну и со стола грохнулась чашка с огурцами. Старуха выдернула из под печи кочергу и зашлепала на улицу.

Он посмотрел на затасканный зад Аграфены и мысль его перешла на горбатую Дорофею.

— Куда в самом деле девать ее теперь? И ребенок скоро... Разве только к Багрянскому. В монастыре сохраним был бы, а там за деньги переправить можно было бы. Разорили и опереться не на кого.

Сам не в себе Аким. Выхода ищет дух его мятежный. Ломается старая душа. Чувствует он, что жить ему еще много, а жизни нет. Старуха лишней мозолью для него стала. Не ожидал Аким переверта своих будней. Кто то ломал не только его душу, но и тело.

— Все исковеркано, — мучается он. Сушит его сердце дочь Агния.

— Проведать бы надо. О, господи, что же дальше?

Еще выпил и потянуло туда, к ней, в келью, где временно оставлена была горбатая сестра Дорофея.

Оделся. Глубоко надвинул картуз к глазам.

— Куда-ж ты теперь? — спросила Аграфена, а сама знала куда и знала, что ее слова все равно на ветер. — Вон и бесенята смеяться стали. Не наплялся, не угомонился, ирод нечистый...

Ничего не сказал Аким. Махнул рукой и решительно вышел из дома.

Рядом с нею сидел Рудометов.

Огурцов принесла, сочных с крапинками, своей солки. Хлеба подложила каравай. Капусты листовой кочнем. Маслом сдобрила. Глухо спросила:

— Не надо ль еще чего?

Махнул рукой:

— Ла-адно!

Выпил, перекрестясь, из медной кружки. Молчал несколько минут, а потом прорвалось:

— Старуха, Яшья-то Рудометов, говорят, с Матроной спутался. Комиссаршу хочет из нее сделать. Тоже вла-ась, а лезут не в свои вещи. Слух по селу такой: Нинку в город спровадил. Знала Нинку-то: в картузе ходила? Ревела, говорят, на последях-то... Еще—суд, говорят, скоро будет Антонию с Кирьяном.

Об Агнии умолчал.

— Дела пошли — исповедаться да умереть.

— Што ты мне про чужие грехи толкуешь. Белотелка-то твоя как? — спросила. — Молчи-ишь!..

— Какая белотелка?

— Какая... Как придешь, так постоянно с дуростью какой-нибудь. Тебе лучше знать. Горбатая. Сраму навел, страшник. К себе в горбу сажать будешь?

Забегали мысли. Тесно стало Акиму в горнице.

В открытое окно, будто на грех, ворвался Матюшкин голос:

— Дед, пойдем в комсомолы! Графену то свою на завод отправь в переделку...

Тихими шагами отмеривал расстояние до монастыря. В голове спорили одна с одной мысли. И какие-то побеждали, какие-то сдавались...

Огни исполкома остались вправо. Он не смотрел на них. Он боялся огней, потому что они могли спугнуть темь, что залегла на его душу пеплом... Сейчас Аким страшен и себе был. Он не замечал как ветерок по любовному мурлыкал сказки деревьям, как ему улыбались листики. И не видел он, как в черной темноте испуганно таращили на него глаза ромашки.

Постучал в окно согнутым пальцем. Робко скрипнула дверь и Аким скрылся в этом пустынном доме.

В слезах застал Дорофею. А у него по волчьему горели глаза. Сел на сундук, покрытый стеганным одеялом кенареечного цвета. Опустил голову и борода почти коснулась пола. Рыгнул и осквернил келью запахом винным...

— Что делать, Дорофея? — придавленным голосом сказал он. — Тут тебе жить не дадут, а к себе не возьмешь.

Подожел, положил руку на ее плечо, тяжелую, будго налившую ртутью. В глазах ее — искупался весь... А глаза — полные слез. Заколыхался горб:

— Не знаю, — прошептала. — Надо кончить. Работать пойду. Рудометов говорил — в исполкоме уборку делать, сторожикой будто.

— А ребенок-то? Куда девать будешь?

— К тебе принесу. Не щенков-то ребенок-то,—твой он, младенец-те. У тебя старуха есть...

Не слова, а чистейший яд.

— Как ко мне? — заморгал он мутными глазами. — Ты с ума сходишь? Сговорила что ли с кем? За одно с нечестивыми?.. Этого не будет,—произнес он решительно.

— Не хочу! Не буду! — закричала дико и страшно.

Налилась кровью в лице. Встала перед ним злобным комком: спереди горб, позади — горб, два узла, которые казались Акиму, вот, сейчас, лопнут и зальют его чем-то...

— Не хочу! И с тобой не хочу путаться. Будя! А писанием ты меня не страдай: другое говорил, когда я тебе занодбила. Тебе до смерти три дня осталось, а я жить хочу.

— Замолчи, змея!..

Глазами по стенам, будто выскочить хотели. Бросился к ней ястребом. Сдавил горло руками и зашептал воспаленно: — Дьявол... Сатана... Смерть пророчишь?! Нет... не ты, а я буду жить.

Захрипела. Забилась ногами, руками и сквозь хрип вырвался звук:

— Не-е... хо-о...чу-у!

Заленилось у рта... Глаза уходили под лоб, делаясь мутными яблоками.

Оторвался. Застыл на одном месте. Грохнулся на колени перед иконой и занял, как собака:

— Господи, не поставь в грех, ради смутного времени... Отпусти беззакония мои вольные и невольные. Каюсь, милосердный. Куда деваться—укажи путь верный. Митется душа и не вемо, где преклонить голову...

Оставил страх и слезы, и тайно вышел.

На улице висела темь...

V.

Хочется Матроне во всю окунуться в эту жизнь, что сверкала иногда в Безводном, как солнечные искры. Оглушила она ее разом—звуками, красками, и словами новыми, острыми, что щипали ее душу и сердце. Хочется, да только сидит у нее как будто кто грозный и не пускает... И Рудометов не раз тащил ее в клуб—душа с телом расстается—не может, не двигаются ноги...

Мучился Яков. Иногда говорил себе:

— Ну, ладно: пусть пока посидит, потом привыкнет...

Целовал в сочные губы и говорил напевно:

— Да что же ты, дикарка моя, такая, до каких же пор пленницей будешь? Чай ведь ты не княжна персидская. Это только в песне поется. И жизнь, у нас с тобой, не разбойная, а на чистоту перед всеми людьми добрыми...

Скажет вот так, а она только глазами светлыми с легкой синевой моргает и...—в слезы.

Сомнение заползало в душу Рудометова. Сначала маленьким червячком, а дальше все сильнее, до боли.

— А, что если и в самом деле впустую? Слышал я, что Матрона тайком от меня в молению к матери ходит. А у меня времени для нее мало... Если так будет продолжаться, то, пожалуй, права Клава: «ничего тебе из монастырского пенла не сделать».

Рудометов нервничал. Его привлекала красота Матроны, но ее духовное убожество временами совсем отталкивало от нее и тогда Яков невольно заходил к Клавдии или провожал ее до дому после службы.

Приходила горбатая к Матроне, рассказывала об Акиме, как судили его за покушение на убийство и как он после повесился. О своей жизни говорила и сыном хвалилась:

— Наумом назвали, большевики-те... Ох, господи!—по привычке говорит Дорофея, а сама смеется, зубы сахарные с розовой настилкой-пастилой кажет. —И что ты сестра, все сидишь, никуда не выходишь? Жаловался на тебя Яков то, славный он человек.

— Боюсь... Стыдно... Боюсь, Дорофеюшка, — тихо отвечает Матрона.

— А чего бояться? Бояться—не жить тогда. Монастырь кончили, а больше куда ж ты пойдешь? К матери, говорят, ходишь... Любишь ли ты его, скажи? — пытала она.

— Ой, люблю, Дорофеюшка, люблю его не знать как.

— Ну и люби, и делай так, как он говорит. А мать тебе—что?

— Ой, не могу я, Дорофеюшка! Сидела б я дома-те, а он зовет меня туда в клуб, то ихний. Страшно... Сказать хочу—языка нет, пойти куда—ноги ни с места. Страшно... А ну-ка господь-те накажет?! Я и то плачу—кажен день.

— Видишь ли сны какие? — спрашивала Матрона Дорофею.

— Нет. Какие там сны: нарабатываешь и спишь, как убитая. Один раз только Акима видела. Ну их... я и богу-то не стала молиться, так изредка. Лучше не думать.

Дорофея уходила, а Матрона утирала слезы. Ложилась в постель и во сне с господом, с ангелами разговаривала. По лесенке, увитой цветами и деревьями чудесными, восходила она к нему на седьмое небо, к самому престолу... Под руки вели ее девы непорочные, в платьях из чистого тончайшего золота с камнями драгоценными. Вели Матрону туда, где за престолом сидел сам дедушка-Саваоф, такой, что в монастырской молении изображен был. Ласково и строго с укором смотрел он на нее и говорил:

— Зачем привели ко мне овцу заблудшую? С большевиком живешь, блудница? Уберите нечистую. Недостойно убо с нами лицедреть красоты райские. Они уготованы праведникам, а не прелюбодеям...

Потом в преисподнюю водили. И чем ближе спускались, тем становилось темнее и жарче. Слышала скрежет зубовый и плач неистовый, сотрясающий дебри адские. И видела, как корчатся тела грешников. И тоже голос резал измученную грудь Матроны:

Захрипела... Забилась...

— Вон, ведите ее на уготовленное место...

А место—кровать раскаленная и вся в гвоздях.

Просыпалась со страхом и слезами, и помутневшими белками глаз смотрела туда, где играли красно-золотистые отблески наступающего утра. И тогда каким-то чужим стал ей Рудометов, который лежал с ней рядом.

В последнюю ночь, перед рассветом, Матрона встала и осталась полуколенно у окна, обратив свой взор к улыбающемуся небу. Она осторожно вынула из под матраца завернутый в тряпицу крест и целуя что-то горячо зашептала. Оглядывалась на Рудометова, словно вор. Не знала, что он был не с ней, а с какими-то мыслями.

Он все видел и чувствовал.

— Да!—чуть ли не вслух крикнул он. — Пенел и есть...

Перед уходом на службу, Рудометов твердо сказал ей:

— Я не могу так жить с тобой. Ты, как воронка, ходишь в молению, а мне это претит, понимаешь?

Молчала и вздрагивала от его слов, точно от неожиданных уколов, а он ходил по комнате неравномерно...

Потом подошел к ней и уже не как муж, а как брат, погладил рукой ее волосы. Матрона вскинула на него большие глаза и сейчас же задергалась плечами и комната наполнилась глухим непонятным Якову рыданиями.

— Не нужно, не плачь, не убивайся, Матрона! Иди к матери. Иди и молись там своему богу, а я не могу...

Рудометов оторвался, вышел на улицу, а Матрона неподвижно застыла на кровати.

В ТАЕЖНОЙ ГЛУШИ

Очерк тунгуса БЕЛОМЕСТНОВА.

В далекой северной глуши, в Забайкалье, в улусах Норин-Талого, Урульга, Торгокон и др., крепко осели остатки пятнадцати родов тунгусов.

Суровая природа, глушь, национальная обособленность, заброшенность — все эти условия были причиной культурного и хозяйственного застоя в жизни тунгусов, их нищеты и отсталости. А там, где темнота, техническая отсталость, экономическая беспомощность, там — наиболее благоприятная почва для религии. И у тунгусов было три рода религиозных верований — христианство, ламаизм и шаманизм, имевшие каждое своих служителей на беду тунгуса-бедняка.

Наиболее чужим и далеким верованием для тунгусов было христианство, но за его спиной становой стоял, с которым много разговаривать, понятно, не приходилось.

Все пастыри божии, все служители религий обирали тунгусов до чиста. Не успеет уйти, собрав свои налоги, поп, а уже за ним по пятам идет служитель

— Нужно умиловить злых духов, а иначе они принесут много бед, — говорил шаман.

И брали баранов, масло, творог, деньги, лошадь, корову, водку, если было что хорошего из одежды — не брезговали и этим...

Умер ли кто в семье, родился ли — нужно идти к попу, чтобы он похоронил новорожденного или окрестил младенца. Заболел кто-нибудь — здесь

но не самим охотникам, которые вынуждены были принимать весьма невыгодные условия обмена, ввиду отсутствия иных путей сбыта.

Плохо жили тунгусы в таких условиях. Плохая одежда, плохое жилище, плохое питание. До 16—18-ти летнего возраста ребята ходили «в чем мать родила», а взрослые, зимой и летом, носили однообразный костюм, сшитый из серых козлиных шкур; этот единственный костюм носили зимой и летом, по 5-ти лет не снимая; он пропитывался грязью и потом, как салом, и был сплошь покрыт паразитами; летом эта одежда издавала зловоние, а зимой она замерзала и колола тело.

В жилищах — тьма, грязь и дым, зловоние от звериных шкур и одежды, теснота...

Пища — однообразная, плохо сваренная и у всех, за исключением богачей — в недостаточном количестве, а наряду

Жилище тунгуса.

вся надежда на ламу, который считается лекарем, или шамана, который может отогнать злого духа, принесшего болезнь человеку; но ни тот, ни другой даром лечить не будут: их лечение обязательно требует для успеха разных вещей и денег.

В тех случаях, когда тунгусу уже нечего было давать, он шел к зажиточному за займом, отрабатывая потом этот заем своим трудом, а если и этот путь был уже закрыт — отрабатывал стоимость благодати своим горбом, в хозяйстве у служителей религии.

Несмотря на такое обилие возможностей получать благодать, несмотря на обилие заступников и просителей перед высшими добрыми и злыми силами, несмотря на это, все достояние тунгусов уходило на задабривание разных богов — жили тунгусы плохо, бедно.

Подумать только: на каждый дом приходилось по четыре налога — налог государству — рублей 15 в год, ламе — рублей 40, попу — рублей 25, шаману — рублей 30, а всего свыше 100 рублей в год.

Откуда взять такие деньги тунгусу, промышляющему охотой, да, в лучшем случае, имевшего в своем хозяйстве несколько голов баранов. Охотный промысел давал много выгод скупщикам,

Тунгуса.

с этим широкое потребление водки, которой спивали население приезжие скупщики, в целях одурачивания при обмене товаров. Водка согревала и на короткий срок заставляла забыть о тяготах жизни.

Все это вело к широкому распространению среди тунгусов болезней и к вымиранию населения. А поны, муллы и шаманы и на этих несчастных наживались.

Так жили тунгусы до 1921 года. С этого года жизнь пошла по иному:

Тунгус.

Будды — лама, только уйдет лама, забрав все наиболее ценное, что осталось после пона, как за ним идет шаман.

И у всех троих одна песня:

— Не гневите бога своей жадностью... Бог даст, бог и отнять может... Муки адавы уготованы для нечестивцев, — говорил поп.

— Тот беден, кто грешен... Давайте больше Бурхану, а я буду молиться, чтобы он принял вашу жертву, — говорил лама.

Семья шамана-охотника.

Тунгуски с детьми.

В улусах ¹⁾ появилась кооперация, связались тунгусы с охотсоюзом, стали выписывать газеты, заглянули в тайну агрономии, в некоторых селах и районных центрах за 2—3 года устроили медицинские и ветеринарные пункты; стали навещать улусы врача и фельдшера и т. д.

Кооперация, отпускающая товары в кредит по доступным ценам, избавила тунгуса-бедняка от необходимости попадать в кабалу к богатею. Охотсоюз обеспечивал охотничий промысел всем необходимым, врачи и ветеринары показывали на деле, что от них больше толку, чем от молитв, причем они не требуют за свои услуги плату; они научили тунгусов подкрепить свое хозяйство сеянием и разведением картофеля.

Стали в улусах организовываться комсомольские ячейки. Вначале эти организации были встречены очень неодобрительно. Но, потом, когда к комсомольцам стали приезжать из города инструктора, собирали комсомольцев на собрания, приглашали на них и всех желающих, стали читать доклады, давать объяснения на все вопросы и т. д., население стало присматриваться серьезнее и к самим комсомольцам, видя уже в них не просто молодежь, которая «что-то задумала», а официальную организацию, связанную с городом.

И тунгусы зажили лучше. Стали лучше и чище одеваться, их дети ходят теперь в рубашках и штанах, беднота не гнет спину на дворе богатея, охотничий промысел стал давать доход, который

идет на улучшение хозяйства, в юртах ¹⁾ стало чище, появились новые вещи.

И не нужно было иметь особую дальновидность, чтобы понять, что все то, что имеет тунгус сейчас, дано ему не христом, бурханом или духами. Поняли это и тунгусы, а поэтому прежнее их уважение к торговцам благодатью стало пропадать: не стало у них надобности

Тунгус-ламаит.

и в самой благодати, как не стало надобности в кулаках-богатеях, которые жили раньше на горбе у бедноты.

Многие юрты очистились от прежнего своего украшения—богов, кулаки-богатеи потеряли даровых работников, попы, ламы и шаманы потеряли прежние доходы.

Один за другим служители религии стали все реже и реже заглядывать в улусы, один за другим стали перекочевывать в другие места.

Вот факты: поп Иннокентий Титов из с. Урульга ездил за подачкой по Норин-Талоге в последний раз в 1923 г., но тогда его прогнали из многих юрт, после чего он уже не заглядывал в улус.

Приходский лама Даг-Бо посетил Норин-Талогу в последний раз в 1924 г. и услышал при этом от населения такой «привет»: «Кормить лам у нас нет теперь возможности, нужно укреплять свое хозяйство. Вы нам больше не нужны, не приезжайте к нам». Некоторые шаманы сами заблаговременно, не дожидаясь приглашения, перекочевали в другие места. Один шаман перекочевал в Буреспублику, а вместе с ним уключивали и 10 дворов зажиточных тунгусов.

Сейчас в Норин-Талоге осталось дворов 40 бедняков и середняков, которые строят свою жизнь своими собственными руками, без всякой помощи. Налог теперь только один—сельско-хозяйственный, да и от него многие освобождены, как неимущие.

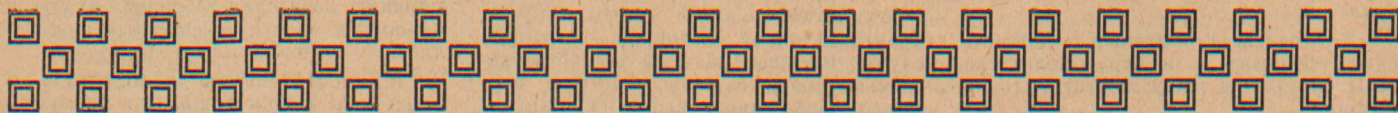
Сами тунгусы возбудили ходатайство перед районным Исполкомом об открытии у них ликпункта, указав на большое желание обучить грамоте детей и обучаться самим.

Вот что дала революция тунгусам.

Тунгус Беломестнов.

¹⁾ Улусы—деревни, селения.

¹⁾ Юрты—жилища.

Г. ДАЯН.

К ИСТОРИИ РЕЛИГИЙ

Социально-экономические моменты¹⁾.

Древний анимизм²⁾ и культ предков отражают собою рабскую придавленность людей того времени не только внешней природой, но и гнетом получивших силу и власть «героев». Авторитетные исследователи утверждают, что в представлениях многих диких народов души «героев» живут после смерти дольше, чем души обыкновенных людей, которым иногда вообще отказывают в праве на посмертное существование. Герои же, предки, это продукт производственных отношений и растущей авторитарности.

В тотемизме³⁾ не в меньшей мере отражены хозяйственная деятельность и производственные отношения людей. В нем отражается власть и подчинение, на основе которых эта хозяйственная деятельность организуется.

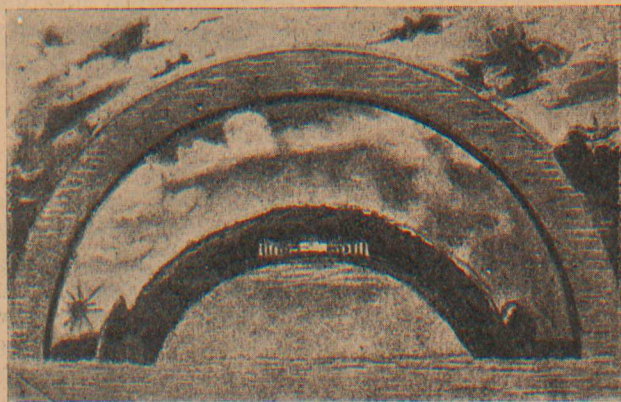

Рис. 1. Небо и земля по представлению вавилонян.

Таким же образом натурализм, как культ, как поклонение, с его молитвами и дарами мог возникнуть лишь тогда, когда он отражал строй человеческих отношений с организаторами, патриархами, хозяевами распределения.

В представлении о том, что тайна сокрыта только от «низшего» элемента в обществе, от «нас—грешных», но что она всегда открыта представителям высших классов: жрецу, патриарху, священнику, что она ведома «избраннику божьему», в этом представлении отражался и отражается донные определенный строй общественных отношений.

Тут фетишизируется (обожествляется) организатор, отображается общественный авторитаризм, т. е. деление общества на повелевающих и подчиненных. Этот авторитаризм имел глубокие корни в экономике общества.

Уже с самых первобытных времен ночь и стужа мыслились какими-то особыми злыми силами, гнетащими человека, в то время как луна, солнце, и весна—оказывались его добрыми друзьями. В безводных степях, в песчаных равнинах та сила, кото-

рая шлет дождь благодатный, должна была вызвать к себе благодарность человека.

А посредниками между грозными и благотворными силами природы, с одной стороны, и между человеком с другой, становились те, кто в ряде поколений сохранял, сберегал, учитывал и умножал опыт веков и в той или иной степени постигал тайну явлений природы. На основании тысячелетнего опыта жрецы более или менее правильно определяли ближайшее состояние погоды, а к ней применялась хозяйственная деятельность человека. Таким образом, от них зависели благосостояние, судьба и жизнь их окружающих.

Рост техники и обобщенного опыта шаг за шагом усиливали общественную роль и значение жрецов, умевших регулировать водную стихию, отводить потоки вод по каналам, оплодотворяя одержимые жаждой долины.—Так выросло египетское жречество; так завоевал свою власть израильский Ягу. О том же свидетельствуют документы древней Халдеи, где жречество было тесно связано с хозяйством страны.

Таинственные для непосвященного магические приемы, эти технические манипуляции древних «спецов», последним мистический (таинственный) ореол создали и делали их в глазах окружающих чудесными ходатаями и заступниками темных и немощных людей пред «богом сил».

Естественно, что жрецы становились и передатчиками даров и жертв, которыми умилялись боги сил, на подобие того, как умилялись сильными мира внутри человеческого общества.

Анимизм, тотемистические представления и институт жречества и составляют основную базу всех дальнейших фазисов и форм религии.

То же определяющее влияние социально-экономических факторов явно сказалось и в развитии тех

Рис. 2. Рельеф, изображающий браминское божество из Эллары.

¹⁾ Первые очерки напечатаны в №№ 13-14 и 21-22 нашего журнала за 1926 г.

²⁾ Анимизм (от латинского слова „анима“ — душа) — вера в духов, развившаяся из поклонения душам предков.

³⁾ Тотемизм (от индейского „тотем“) — предполагает веру в родство между животным и человеком и в то, что душа предков воплощается в каком-нибудь животном, которое становится предметом почитания. Часто эти животные получают значение символов какого-нибудь рода, значение святыни, становятся предметом художественного воспроизведения и встречаются в могильных курганах. Тотемистические представления распространялись на деревья и растения.

фантастических представлений, которые непосредственно связаны со смертью и загробной жизнью. Поскольку сохранение «телесной оболочки» усопшего приобретало характер классовой привилегии, так как бальзамирование и гробницы были доступны только богатым и знатым, центр тяжести «спасения» переносился с тела на невидимый дух. Таким образом спасение «демократизировалось», становилось доступным широким массам. От фундаментальных гробниц, хранилищ бессмертия, спасение переместилось в небольшие, доступные всем и каждому, символы и знаки спасения.

Одновременно с этим процессом возвеличения „духа“ над телом, сохранить которое не доступно массам, а доступно лишь господствующим группам, шла „материализация“ загробной жизни. Последняя рисовалась воображению верующих в качестве такой страны блаженных, где обездоленные на этом свете получают полную материальную компенсацию за свои лишения, нужду и голод в форме рыбы (левнафан), мяса, вина и сладкого отдыха от земного каторжного труда.

К этому блаженному состоянию могли уже иметь доступ не только герои и предки, но и всякий человек, беспрекословно подчинявшийся велениям духовных организаторов, жрецов и пастырей церкви.

В древних мифах о сотворении мира социально-экономические моменты также налицо.

Древний человек ощутно, вслепую искал разгадку таинственных явлений природы и жизни, стремился как-нибудь связать их между собою, найти между ними причинную связь. Но при этом на характере и строении мифов неизменно сказывались не только климатические, географические, но, главным образом, и производственные условия, в которых жили коллективы, создатели и творцы их.

Племена, живущие у морей и рек, представляют себе, что мир выловлен из глубины вод. Окруженные горами и скалами свою космогонию связывают с той природой, которая их окружает.

Геологические перевороты, губительные землетрясения и кровавые сражения племен и народов, вождей и царей находят свое отражение в мифах о великих битвах богов и восставших против них „сынов божьих“ и великанов.

На характере мифов нередко сказывается стремление различных социальных групп идеологически подкрепить захваченную ими хозяйственную и общественную власть, осветить свои привилегии некоей потусторонней святостью и мощью. Приведем

Бог сна Гипнос.
Мраморная статуя
мадридского музея.

несколько характерных мифов.

Звездочеты Египта говорили о небе, как о жидкой массе, со всех сторон окружающей землю. При сотворении мира бог Шу поднял воды вверх и по этому небесному океану плавают небесные светила.

Египтяне, как известно, всей своей производственной жизнью были связаны с Нилом.

Вавилоняне жили под прозрачным небом, которое позволяло наблюдать движение звезд без помощи инструментов. Им казалось, что звездный небесный свод каждую ночь передвигается с востока на запад. Кроме небесных светил в мифологии вавилонян, окруженных множеством рек, огромную роль играли глубины вод.

Бог, создавший в семь дней весь мир, Эа был „духом носящимся над водами“.

Син — богом-месяцем и Шемеш — богом-солнцем.

По индусским верованиям, мир представлял собой однообразный хаос. Бог создал все предметы из собственного существа, оживив их своим дыханием. К концу мира они вернут ему все частицы его души, одушевляющие вселенную.

Бог извлекает из себя прежде всего воды, куда он кладет свое семя.

Семя превращается в золотое яйцо, которое блещет как солнце. Из яйца рождается Брахма, творец всех миров. Брахма создает и размножает особей, выпуская их изо рта, ног и бедер. Самая высшая каста — брамины — вышла изо рта бога. Поэтому все на свете должно принадлежать этой касте. «Среди существ, говорит Индусская библия (кодекс Ману), самые высшие — это существа одушевленные, среди них — те, которые имеют ум, среди имеющих ум — люди, среди людей — брамины». Тут становится ясным, кто автор этой индусской библии и чьи иерархические привилегии защищает эта легенда о днях творения...

Древние греки сотворение мира представляли себе следующим образом. Вначале был хаос, темная бездонная пустота. Из хаоса чудом возникли боги, богини и земля с подземными мифами. Земля родила небо, горы и моря. Уран (небо) сын земли (Гея)

стал мужем своей матери. От этого брака родились боги-титаны. Уран возненавидел своих детей великанов и заключил их в темницу, в подземные миры (тартар). Мать-земля выковала острый серп и призвала детей к восстанию против тиранства Урана. Но дети не осмелились восстать. Только один из них, Кронос, оказался храбрым и овладел властью. От этой битвы двух богов между

Борьба богов с гигантами.

Статуя фараона Хефрена.

собой земля оплодотворилась новыми богами. Из падавших на землю капель крови Урана возникли и родились боги смерти, сна (Гипнос), карающего правосудия (Немезида) и др..

Кронос, убив отца своего, Урана, боялся, что его дети поступят впоследствии с ним точно так же, как он поступил с Ураном, и стал съедать их. Так съел он богиню огня Бестию, Цереру и Посейдона. Но родился у бога сын, которого мать спрятала в пещере. Когда сын божий возмужал и вырос, он повел борьбу против бога-отца, призвал на помощь великанов, которые после долгой упорной битвы дали победу богу-сыну.

Здесь в извращенном виде, как в кривом зеркале, находит свое отражение та обостренная борьба классов и групп, городов и общин, семей и кланов, которая так характерна для древней Эллады.

Зависимость религии от социально-экономических факторов ярко сказывается в факте возвышения того или иного национального бога.

Египтяне установили среди множества своих богов такую иерархию, такую табель о рангах, какая существовала в государственном строе Египта. Отсюда и присвоение одному богу наиболее могущественной власти.

Египетские цари, фараоны, обоготворялись. Их уподобляли солнцу и считали источником жизни. Египтяне верили, что высший бог спускается на землю и принимает в лице царя человеческий образ.

Когда Ассирия объединилась в царство, первые цари считались посланцами бога Ассура, делегированными им на землю.

Постепенное вытеснение из небесных позиций прежних родовых или местных божков—это факт общий всем мифологиям. Происходит же это тогда, когда под напором хозяйственно-экономических

факторов социально-политический переворот выдвигает на первое место в племенном или территориальном союзе какое-нибудь одно наиболее сильное племя. Бог этого племени становится богом национального объединения. Местные же божки сходят на нет или перевоплощаются в демонов.

Вот несколько исторических примеров.

Первоначально Мардук, бог города Вавилона, играл скромную роль. Это был культ солнца, подобный другим местным культам северной Вавилонии. Только со времени Хаммураби культ Мардука затмил культы остальных богов солнца.

Такой же процесс мы наблюдаем в древней Персии.

Около 400 г. (до р. х.) в Персии возникает новый пантеон богов.

Самой крупной фигурой нового пантеона является Митра, до того почитавшийся аристократическими родами, с политической победой коих он был возведен в ранг небесного диктатора.

Что же стало с прежними богами, носившими имя «дева»?

Этим именем персы стали называть дьяволов.

Тот же путь возвышения национального бога наблюдаем в «биографии» финикийского Ваала.

Когда финикийское племя расширило область своих владений, то и бог Ваал расширил пределы своей власти, стал богом племенного союза.

Так, по лестнице, которую строили люди, шествовали и подымались вверх боги...

Бывало и так, что в сонм богов вводился иноземный культ оттого, что этот культ соответствовал потребностям той или иной выросшей социальной группы.

В Риме, например, в III веке до Р. Х. был введен культ мало-азиатской богини Кибелы, отличавшийся необузданными оргиями. В 191 году эта иностранная богиня получила даже особый храм в древней части города Рима.

В победе оргиастического культа Кибелы большую роль сыграл следующий экономический фактор.

После пунических войн в Риме стали скопляться сокровища и пред-

меты роскоши Востока. Это вызвало появление многочисленной группы спекулянтов и прожигателей жизни. Новая «буржуазия» с жадностью набрасывалась на те чувственные наслаждения, какие давали восточные культы. Ей были доступны одни лишь грубые и чувственные наслаждения ибо никаких культурных навыков и эстетических традиций у этой «наповской» банды не имелось.

Голова Ассирийского царя. Рельеф из Хорсабада.

ДВА БЕЗБОЖНИКА

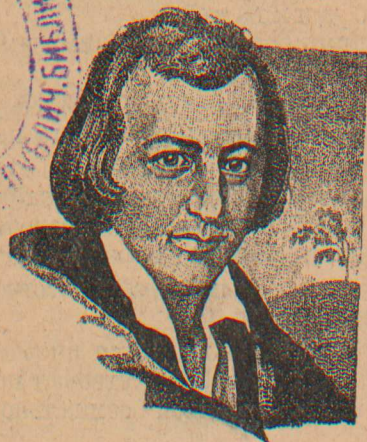
МАРКС и ГЕЙНЕ.

Очерк А. РОСТОВЦЕВА.

Гейне был определенным безбожником—одним из стана славных. Никто не высмеивал так зло попов, как он. Стрелы его иронии были направлены не только против попов, а против всего того, что мы называем «буржуазной культурой».

Мораль — догматическая, христианская, государственная, классовая, ханжество, тупоумие, мещанство—все это было поставлено под удары его иронии. Гейне не был социалистом (в его времена только закладывался фундамент

научного социализма), но он был другом Маркса, который назвал его «наиболее решительным и талантливым» из всех своих земляков. Мering в своей биографии Маркса говорит о том, что Гейне произвел глубокое впечатление на Маркса. 1844 г.—это время пышного расцвета творческих сил поэта; революционная лирика Гейне, несомненно, развернулась под влиянием Маркса. Ясная картина движения ткачей, осознание ее причин, все это результат дружеских бесед с Марксом, направившим «буйного поэта» на путь истины. Несомненно, Маркса можно считать «крестным отцом» знаменитой «песни ткачей».

Маркс был о Гейне высокого мнения, многое он прощал, смертельно больному, раздражительному поэту и постоянно справлялся о его здоровье через Энгельса. Отношение Маркса к Гейне во многом напоминает отношение Ильича к Горькому.

В качестве публицистов они оба работали в «герм.-французском ежегоднике» и потом снова встретились в редакции газ. «Вперед». В доме Маркса—Гейне был «своим человеком». Взаимоотношения отличались особенной сердечностью. Было время, когда Гейне ежедневно бывал у Маркса и читал его молодой жене свои звонкие, чеканные стихи, выслушивал критику. Дочь Маркса рассказывала о том, что Гейне часто плакал, будучи задет критикой. — Эти поэты — чудаки, — говорил Маркс. — Им не надо мешать... Пусть идут своей дорогой.

И в то же время Маркс вполне сознательно старался повлиять на политические убеждения Гейне. Поворот в политической сатире поэта, несомненно, следует приписать влиянию Маркса, который часто говорил Гейне: «оставьте, наконец, ваши любовные мотивы и покажите-ка лирикам как нужно действовать... бичем».

Маркса выслали из Парижа. Этого требовал прусский король. Больной Гейне исчез в «матросской яме», где он и погиб. Энгельс неоднократно описывал медленное угасание поэта в ужасающей обстановке. После смерти Гейне Маркс резко осудил поведение вдовы поэта, которая у еще не остывшего трупа сошла с... «другом нежным».

Официозная Германия всегда проявляла сугубую ненависть против Гейне, бичевавшего прогнивший государственный строй, монархов, попов, немецких бюргеров, поливавшего их ядом своей иронии и воспевавшего «всечеловечество», без эллинов и иудеев...

Вильгельм II, приобретший на острове Корфу дворец, принадлежавший убитой австрийской императрице, приказал немедленно срыть памятник, поставленный поэту его страстной поклонницей.

Вполне понятной становится эта жгучая ненависть, спустя 50 лет после смерти поэта, если вспомнить, какую участь пророчил в одном из своих стихотворений Гейне некому прусскому «венценосу».

Описав «неотесанных» и «сердитых парубьейц» бриттов, казнивших своего Карла, упомянув вскользь о том, как Санкюлоты расправлялись с французской королевой Марией-Антуанеттой, поэт продолжает:

Француз и бритту душевность чужда,
По самой сути; но немец всегда
Душевен,—он пробудет душевным
Даже в терроре самом гневном.
От немца, пока на земле он живет,
Их величеству будет почет.

(Гейне оказался прав).
Карета в шесть упряжек в коронках,
Конь в черных султанах, в попонках,
Высоко на козлах с кнутом в крепде-
шине (китайская ткань)

Плачущий кучер,—так будет в Берлине,
На место казни монарх подвезен,
И верноподанно там казнен...

(Вот тут-то Гейне—«ошибкам давал».
Вильгельм и присные с ним не только с
миром отпущены, но еще в пенсионеры
попали).

Германская буржуазия по сей день «дует» на Гейне: сооруженный в 1919 г. на родине Гейне в Гамбурге памятник, еще не открыт, находится под запретом.

А как германский «народ», вернее пролетариат, относится в памяти Гейне? Ответить нужно легендой, которая сейчас гуляет по Германии:

... Надоело Гейне безделье рая (куда он, видно, попал по ошибке). Спустился на землю. И задумался: поинцу я—нет ли памятника мне, где-нибудь.

Рисунки П. САНГУРСКОГО.

Пошел берегом Рейна. Зашевелились воспоминания. Места ведь знакомые, хотя многое и изменилось. Отправился в г. Дюссельдорф. Первая встреча—два офицера.

— Простите, господа,—вежливо сказал поэт,—вы наверно слышали когда-нибудь про такого поэта... Гейне. Не поставлен ли ему в здешнем городе памятник или что-нибудь в таком роде.

Офицеры «окрысились».

— Вы это про... жиди Гейне. Про этого мерзавца, который так подло осмеял Германию. Ему не то, что памятник, а понимаете... кол осиновый...

Грустно побрел поэт дальше. Его не

удивило поведение этих молодцов. Они были знакомы с прежних лет. Они не изменились. Только форма их несколько изменилась...

Поэт направился в г. Франкфурт и Майне.

Навстречу попался ему человек, как будто еврей.

Обратился к нему с вопросом о поэте Гейне и тотчас же услышал ответ:

— Накажи, боже, этого отступника... Ведь он принял крещение... Впрочем у меня нет времени на пустые разговоры, я спешу на биржу.

Поэту взгрустнулось и он, продолжая свой путь, подумал:

«Неужели я ничего не оставил человечеству. Да, я ничего не дал этим людям, которые прежде всего христиане или иудеи, немцы или французы, господа или рабы, но я дал кое-что тому грешному поколению, которое составит просто из людей...»

Думы поэта были прерваны, когда он услышал звуки нежной народной песни.

«Не знаю, почему мне так грустно...

Пел юный голосок. Задушевные звуки лились волной.

Поэт встрепетнулся.

Вот он... памятник нерукотворный.

... Довольный своим посещением земли, Гейне пустился в обратный путь. Поругал его Саваоф.

— Нечего, мол, пататься...

Но поэт остался в отличном настроении.

Андрей Ростовцев.

РЕЛИГИЯ И ПОЛИТИКА.

Архиепископ Арсений Харьковский и союз русского народа.

Попы зачастую говорят, что религия и ее служители никакого отношения к политике не имеют. Тысячами фактов мы опровергаем эту ложь и доказываем, что религия, церкви и попы и были и продолжают быть орудием политики эксплуататорских классов. Особенно же русское православие всегда было верным лакеем на службе у русского самодержавия.

Когда в 1905 г., под ударами революции, начал шататься трон «благочестивейшего» Николая Кровавого, духовенства вместе с самыми отъявленными монархистами, энергично содействовало укреплению трона. Духовенство действовало тогда во главе политической организации «союза русского народа».

Вот документ: — поздравительный адрес Харьковскому архиепископу Арсению по поводу 25-летия его «святительской» деятельности. Кто его поздравляет? — «Харьковское русское собрание» и «союз русского народа» — самые черносотенные монархические организации.

«Ваше высокопреосвященство, высокопреосвященнейший владыко». «С самого зарождения «русского собрания» и «союза русского народа» в среде вашей Харьковской паствы ваше высокопреосвященство относились к нам с неизменным покровительством и благожелательным вниманием, оказывая незаменимую нравственную поддержку нашим начинаниям».

Сами черносотенцы говорят, что архиепископ Арсений оказывал им и внимание, и покровительство, и поддержку.

«Ни одно крупное событие в жизни наших обществ не происходило помимо Вашего архипастырского благословения».

Значит, все еврейские погромы, и избивание революционеров и другие разбойные дела черносотенцев происходили... с благословения архипастыря.

Высокопреосвященнейший Арсений, архиепископ Харьковский и Ахтырский, награжденный многими орденами за свою высокополезную для царизма религиозную и черносотенную деятельность.

Это благословение, «вселяя бодрость душевную, поддерживало нас в тяжелую годину неслыханной смуты и отступничества от истинных творческих начал «православия, самодержавия и народности».

«С умилением и благоговением вспоминаем мы проповеди и поучения Вашего высокопреосвященства, произносимые в дни скорбей и испытаний, ниспосланных господом нашей многострадальной родине».

«Ваша пастырские слова неизменно призывали к самоотверженной работе над воплощением заветов церкви православной, над укреплением державы русской, последнего оплота христианства среди вздымающихся волн неверия и безбожия».

Мы знаем, о каких заветах идет здесь речь: «Бога бойтесь, царя чтите», «нет власти не от бога, все власти — богом поставлены». Эти заветы — для укрепления державы русской. Тут ясно признание, что царизм держался не только штыками и пагайками, жандармами и полицией, но и православными заветами, попами, св. писанием и всей религией.

«Укрепляйте державу — и хорошо будет под ее охраной православию, а если пошатнется держава, то православие не удержится».

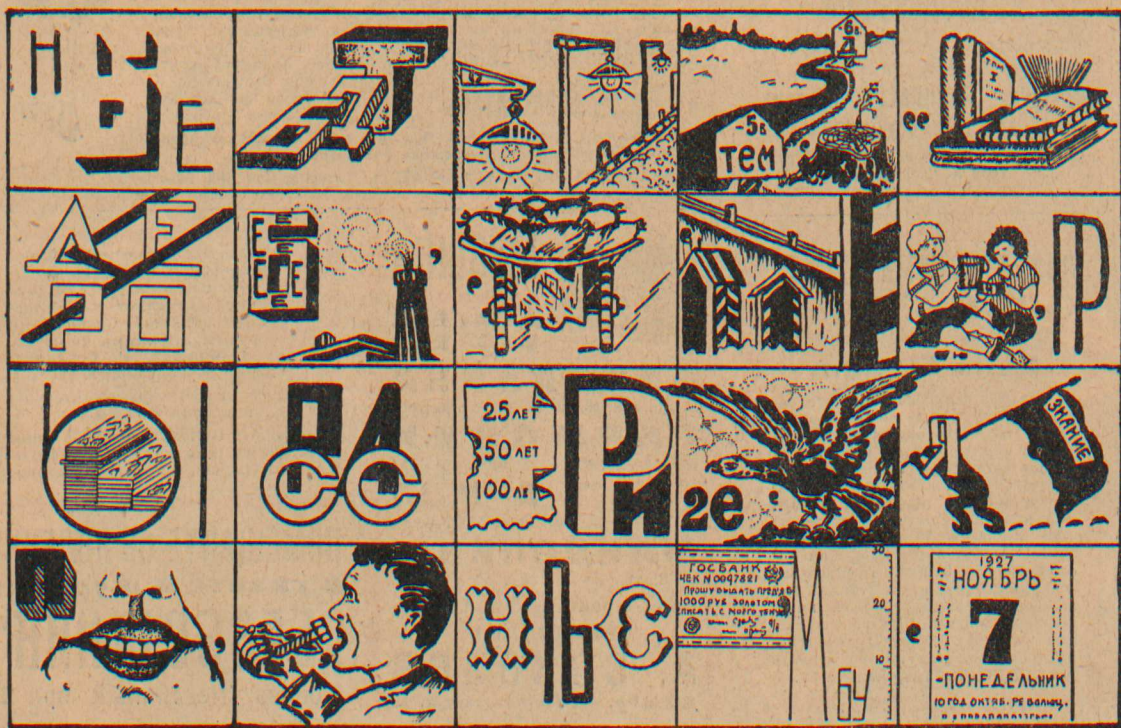
«Рука руку моет», церковь и эксплуататорское государство поддерживают друг друга.

Адрес заканчивается словами: «Да пошлет же всеблагий господь вам — «почитаемому и горячо любимому архипастырю и сочлену... сил и всего прочего». Значит, арх. Арсений, был не только сочувствующим «союзу русского народа», не только содействующим, но и членом черносотенной политической организации.

Очевидно религия — далеко не вне политики.

Ф. Ковалев.

Задачи, загадки, ребусы.

Ребус № 8.

Побывав на всех клетках ходом шахматного коня, нужно прочесть фразу антирелигиозного содержания.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

В следующем номере будут помещены отгадки ребуса № 8 и задачи № 4, а также и фамилии правильно решивших.

АЛЕКСАНДР БЛОК
СТИХИ
235 посмертных стихотворений, не вошедших в собрания сочинений А. Блока.
Цена 2 руб. 50 коп.
Налож. платжом 2 р. 90 к.

14 книжек с рисунками, по 10 к.
14 интересных игровых заданий, по 10 к.
Одобрены метод. комис. и научно-технич. ком. физ. культуры.
Вся серия высылается по почте, 12 к. марками.
Налож. платжом на 30 коп. дороже.

Путешествие по воздуху . . . 10 к.
Полет в Нью-Йорк . . . 10 к.
Таинство кино . . . 10 к.
Пароход-город . . . 10 к.
Пионер-санитар . . . 10 к.
Отдельн. книжки высыл. по
почте, 12 к. марками. Вся
серия—за 50 коп.

Интересующиеся
ТЕАТРОМ И ЛИТЕРАТУРОЙ
СРОЧНО высылается наложенным платежом
Дорошевич. Старая театральная Москва . . . 1 р. 20 к.
Кугель. Театральные портреты . . . 1 р. 25 к.
Кугель. Театральные воспоминания . . . 1 р. 25 к.
Губер. Дон-Жуанский список А. С. Пушкина . . . 1 р.
Трусы Пушкинские. Дока. Ак. Наук. Очерк жизни и творчества А. С. Пушкина . . . 2 р.
Бекетов. Александр Блок и его мать (худож. изд.) . . . 60 к.
Верзилин. Избран. стихи в пер. Ф. Сологуба . . . 85 к.
Цена без пересылки. При заказе от 5 р. пересылка бесплатно.

Практическое руководство для изобретателей
сост. В. В. Петровский, эксперт по делам изобретений ВСНХ.
С приложением действующих в СССР и загранич. законов о патентах на изобретения.
Цена 1 р. 60 к., нал., плат. 2 р.

ВОЕННЫЕ ЗНАЧКИ. ЭЛЕКТРИЧЕСКИЙ карманный фонарь с бат. и увелич. стеклом 3 р. 50 к., запасн. бат. 75 к. **ШАХМАТНЫЕ** доски 2 р., лучш. сорт со свином 4 р. Домино 3 р. Лото 4 р. 25 к. Шпоры никкелир. 2 р. пара, с пряжками 3 р. пара, лучш. сорт Савельевские 3 р. 50 к. пара, шпориные ремешки 50 к. пара. Кубики, трехугольные красн. 3 к. шт., амалевые 6 к. шт., лучш. с. на винтах 12 к. шт. Буквы, цифры, 5 к. шт. Петлицы 30 к. пара. Сумки полевые 45 р., лучш. с. 17 р. 50 к. Пояса 2 р. Поддержки 1 р. Кобур 3 р. Шпур 75 к. Полное снаряжение: кобур, поддержки, пояса, шпур—6 р., лучш. сорт 7 р. 50 к. Походный портсигар с плеч. ремн. 3 р. 25 к.
Высылается наложен. платежом. Москва, 9, Тверская, 19, А. Шугер. Подробный иллюстр. прейс-куррант высылается за две 8-коп. марки.

А. Н. ВЕСЕЛОВ

Абрикосовое
Земляничное
Клубничное
и друг.

Лефортово, Ухтомская, д. 9
Телеф. 2-37-58
ТРЕБУЙТЕ ВЕЗДЕ И ВСЮДУ

Изучайте бухгалтерию и кооперацию
по специально изданным 40 лекциям и пособиям.
Требуйте **БЕСПЛАТНО** систему заочного обучения.
Сталинград, поч. ящ. № 37 Инструктору А. П. ХРЕНОВУ.

МОМЕНТАЛЬНЫЙ АВТОМАТИЧЕСКИЙ СЧЕТЧИК
(усовершенствованный).
Цена 50 коп.
Доступен всем без затраты энергии и труда, без наставлений и учебки дает готовые результаты умножения, деления, вычисления процентов, автоматически, с быстротой чтения глаза. Высылается немедленно по получении заказа и 50 к. За пересылку и упаковку—20 к., всего 70 к. (можно марками). Наложением платежом высылается от 3 руб. Требуется по всем книжным и пишечбукажным магазинам. Заказы и деньги напр. по адр.: Москва, Центр, Почтамт, почт. ящ. 1084. Автору Цукерштейну. Для Москвы: пишечбукажный маг. ПУДОВА—Тверская, № 24.

„БАСМА ХЕНЭ“—жидкий, момент. окраш. волоски бровей, ресн., усов в любой цвет, не смыв. мылом 4—6 л., не пачк. лица, не отлич. от природы. Коробка на год 2 р., полгода 1 р. 20 к. Спец. краска для волос головы—3 р. Высылается наложенным платежом. Проба, руковод. бесплатно.
Москва, Кривоколенный, 14, кв. 3. А. Зынов.

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ
на большую ежедневную кооперативно-экономическую газету
КООПЕРАТИВНАЯ ЖИЗНЬ
(ОРГАН ЦЕНТРАЛЬНОГО КООПЕРАТИВНОГО СОВЕТА)
„Кооперативная Жизнь“ — единственная в СССР ежеднев. центр. кооперативная газета.
„Кооперативная Жизнь“ — широко освещает все вопросы кооперат. и хоз. строительства.
„Кооперативная Жизнь“ — дает освещение работы кооперации за границей.
„Кооперативная Жизнь“ — обслуживает нужды всех видов кооперации.
„Кооперативная Жизнь“ — необходима каждому инструктору и активному кооператору в их повседневн. работе.
Условия подписки:
на 1 год—13 р. 50 к., на 6 мес.—7 р., на 3 мес.—3 р. 60 к., на 1 м.—1 р. 25 к.
Подписку направляйте по адресу: Москва, Центр, Петровка, 5

Ликеры ром и коньяк
настойки и наливки.
Каждый приготовит бодки растворив ТАБЛЕТКИ
Высылается набор на 12 бут. по полугену перебода 3р 60к. или налож. платеж. оптом скидка
Сам из русской в ней ароматичные „Bon gout.“
Мех. хим. лабор. И. П. Дагабет
Москва Солянка д 1 пом 31.

Высылается наложенным платежом в любом количестве
1) Новое средство **СПЛОЖНЫЙ ХИМИЧЕСКИЙ СПИРТ ДЛЯ ВОЛОС** по рецеп. д-ра КАТЦЕН против перхоти и для укрепления волос. Разреш. Мосадравотд. за № 24244. Цена 1 фл. 3 руб. 30 к.
2) **ЭЛЕКСИР** для белизны кожи и удаления веснушек. Цена 1 фл. 2 рубля.
3) **КРЕМ ЮНОЛЬ** против сухости и шелушения кожи, придает мягкость, удаляет морщи. Ц. 1 б. 2 р.
4) Переносная **КРАСКА ДЛЯ БРОВЕЙ, РЕСНИЦ И УСОВ**, момент. окраш. в любой натур. цвет, не смыв. более месяца, не пачк. Ц. короб. на полгода 1 руб. 50 к., на год 2 руб. 50 к.
5) **КРАСКА ДЛЯ ВОЛОС**—черн., шатен блонд., пригот. по сп. Врачеб. Космет. Инстит. в Париже. Безвр., не смыв., не пач. Цена 1 кор. 3 рубля.
6) **Элексир осветлитель** волос в золотистый цвет любого тона. Цена 1 флакона 2 рубля.
Цены указаны без пересылки. При заказе не менее трех предметов почт. расходы по пересылке бесплатно.
Адрес: МОСКВА, 9-е, Лабор. „СНАКС“, Г. Газарову Поч. ящ. 2076.

МУЗЫКА
ДЕШЕВЛЕ ВСЕХ
БАЛАЛАЙКИ
в 5, 6, 7, 8, 10, 12, 15, 20, 25 и 30 руб.
ГАРМОНИИ
в 40, 45, 50, 65, 75, 85, 100 и 125 руб.
ГИТАРЫ
в 18, 20, 25, 30, 40 и 50 рублей
МАНДОЛИНЫ
в 18, 20, 25, 30, 40 и 50 рублей.
Прейс-куррант за 8 коп. марку **ВЫСЫЛАЕТ А. СОКОЛОВ**
МОСКВА, 66, Елоховская, д. 18

КТО хочет сделаться хорошим оратором, тот должен выпустить новую книгу „Ораторское искусство“ с приложением „Искусство спорить и оспаривать“. Составл. по сочин. проф. З. Фрейда, Р. Герлинга, проф. Э. Гейслера и др.
Цена с пересылкой наложенным платежом 1 р. 35 к.
Адрес: г. Пенза, почтовый ящик Б. № 30 (тридцатый), в книгоиздательство Г. Д. Давыдова.

ПОМЕЩАЙТЕ ОБЪЯВЛЕНИЯ в газете и журнале „БЕЗБОЖНИК“
Москва, Неглинный пр., 21